

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/w4466-6139-5760-g

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ «АЛАНСКОГО ДОСЬЕ» ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ МИСТИКА С ПОСЛАНИЯМИ АПОСТОЛА ПАВЛА

Д.К. Асратян

Письма патриарха Константинопольского Николая Мистика архиепископу Аланскому Петру – основной документальный источник по истории христианства на Северном Кавказе в X в. Изучение «Аланского досье» патриарха Николая сохраняет актуальность в связи с ростом интереса к духовной истории народов Кавказа, находившихся на стыке цивилизаций, религий и культур и сформировавших под их влиянием собственные самобытные национально-культурные традиции. Основным методом исследования стало сопоставление лексических и семантических средств, используемых апостолом Павлом и патриархом Николаем в двух различных, но соотносимых исторических и религиозных контекстах. Цель исследования – выявление жанровых и литературных связей писем патриарха с книгами Нового Завета. Научная новизна заключается в обосновании лингвистических, семантических и богословских параллелей между письмами Николая и посланиями апостола Павла, особенно пастырскими (1-2 Тим и Тит). Хотя сравниваемые тексты хронологически разделены почти тысячелетием, отмечается типологическое сходство исторических контекстов, в которых они были написаны (духовный наставник – ученик в епископском сане – молодая христианская община из «варваров», нуждающихся в просвещении). В интерпретации Николая миссия – это именно тяжкий труд, но совершаемый по прямому повелению Бога и ради награды свыше, и в этом смысле патриарх вполне укоренен в новозаветной традиции. Как показали результаты исследования, риторическая и богословская насыщенность писем Николая Мистика не снижает их историческую ценность, однако для корректной интерпретации необходимо учитывать их литературный характер.

Ключевые слова: история христианства, Северный Кавказ, аланы, Новый Завет, апостол Павел.

Письма Николая Мистика, патриарха Константинопольского в 901-907 и 912-925 гг., архиепископу Алании Петру (в хронологическом порядке №№ 133, 52, 134, 118, 135), правителям Авагии Константину III (№ 52) и Георгию II (№ 46), «монаху» (впоследствии, вероятно, епи-

скопу) Евфимию (№ 148), не названным по имени миссионерам в некой далекой стране (№ 79), а также царю Болгарии Симеону (№№ 9, 23) – основной документальный источник по истории христианства на Северном Кавказе в X в. Начиная с середины XIX столетия и до наших

дней «Аланское досье» Николая Мистика анализировали такие исследователи, как первый издатель корпуса писем патриарха кардинал Анджело Май ([1, XVII, XX]), составители критического издания писем Николая Мистика Р. Дженкинз и Л. Вестеринк [2, XXIX et al.], российский патрулог архиепископ Филарет (Гумилевский) [3, 385-386], автор единственной опубликованной монографии на русском языке, посвященной Николаю Мистика, Н. Волков [4, 252-256], классик отечественной византистики Ю.А. Кулаковский [5, 167-177], а также современные ученые, прежде всего В.А. Кузнецов [6, 39-44], С.Н. Малахов [7], С.А. Иванов [8, 178-190], А.Ю. Виноградов [9, 19-31], М.Э. Мамиев [10, 55-68]. Изучение «Аланского досье» патриарха Николая сохраняет актуальность в связи с ростом интереса к духовной истории народов Кавказа, находившихся на стыке цивилизаций, религий и культур и сформировавших под их влиянием собственные самобытные национально-культурные традиции.

Задачей настоящего исследования, являющегося частью работы по изучению всего комплекса писем Николая Мистика, связанных с Кавказским регионом, является выявление жанровых и литературных связей его переписки с книгами Нового Завета. Основным методом исследования стало сопоставление лексических и семантических средств, используемых апостолом Павлом и патриархом Николаем в двух различных, но соотносимых исторических и религиозных контекстах. Филологический и литературный анализ писем патриарха Николая имеет практическую значимость, так как позволяет разграничить исторические сведения, содержащиеся в этих текстах, и богословские и литературные приемы, к которым прибегает автор с целью максимально воздействовать на своего читателя.

Судя по письму № 79, миссия в Аланию была направлена Николаем Мисти-

ком в первый период его пребывания на патриаршей кафедре [6, 40-41]. Четвертый брак императора Льва Мудрого, обвенчавшегося, несмотря на протесты Николая, со своей наложницей Зоей, привел к низложению и изгнанию последнего из Константинополя. Однако миссия в Аланию продолжалась и в годы опалы Николая, причем ее участники, видимо, поддерживали с ним связь (во всяком случае, в письме № 79 упоминается посланец миссионеров, который был направлен к Николаю до того, как стало известно о его восстановлении в прежнем достоинстве). Возвратившись после смерти императора Льва на патриаршую кафедру, Николай обещает миссионерам, что им на смену придут другие благовестники, а сами они смогут вернуться на родину. Действительно, через некоторое время патриарх рукополагает своего ученика Петра во архиепископа, чтобы направить на служение в Аланию. По словам Николая, Петр оставил патриарха «живущим в аду» (письмо № 133; здесь и далее письма Николая Мистика цитируются по [10]) — стало быть, архиепископ отбыл в Аланию после захвата власти в феврале 914 года Зоей Карвонопсиной [4, 253-254; 2, XXIX], вдовой императора Льва и матерью малолетнего императора Константина Багрянородного.

Анализируя письма Николая как исторический источник, мы не можем не учитывать их литературные особенности. В частности, письма архиепископу Петру являют заметное сходство с посланиями апостола Павла, особенно так называемыми пастырскими – к Тимофею и Титу. Типологическим сходством исторических контекстов (духовный наставник – ученик в епископском сане – молодая христианская община из «варваров», нуждающихся в просвещении и окормлении) обусловлены формальные и содержательные параллели в текстах, хронологически разделенных почти тысячелетием.

При сопоставлении новозаветных текстов с письмами Николая мы не будем касаться проблемы авторства пастырских посланий [11, 270-277] как не принципиальной для цели нашего исследования. Достаточно считать, что пастырские послания написаны от имени апостола Павла. Более существенным является вопрос цели написания сопоставляемых текстов.

Крупнейший специалист в области экзегетики Нового Завета Р. Браун классифицирует новозаветные книги в соответствии с предложенным немецким библеистом А. Дайсманом разграничением «послание» (высокохудожественная литературная форма, обычно преподающая моральный урок широкой аудитории и предназначенная для публикации) vs. «письмо» (нелитературный способ передачи информации между автором и действительным корреспондентом, удаленными друг от друга) [11, 4]. Исходя из этой оппозиции, 1-2 Тим и Тит нередко относят к посланиям, т.е. считают, что они были изначально предназначены для широкой аудитории, хотя оформлены как письма – с шапкой, в которой отправитель и получатель названы по именам. Николай Мистик обращается к конкретному адресату, его тексты носят ярко выраженный эмоциональный характер и в этом смысле являются «письмами» по классификации Дайсмана. Впрочем, к обычной частной корреспонденции их также невозможно отнести – письма патриарха тщательно собирались и переписывались, что и обеспечило их хорошую сохранность вплоть до нашего времени; а диалог с Петром становится отправной точкой для богословских, философских и этических рассуждений, насыщенных аллюзиями на Новый Завет.

Во Втором послании к Тимофею Павел именуется узником (2 Тим 1:8). Хотя Николай Мистик и не был формально подвергнут заключению, он весьма драматично описывает свое положение: «Ты оставил меня... живущим в аду, или

даже в еще более ужасном положении, чем живущие там, – ибо против них уже не воздвигается ни зависть, ни война, ни заговор, нас же доныне все это окружает»; неудивительно, что в этой ситуации большинство людей страшится даже встречи с опальным патриархом (№ 133).

Адресатами пастырских посланий называются Тимофей и Тит. Первый из них оставлен епископом для наведения порядка в церкви Эфеса (1 Тим 1:3); сходные задачи поручены Титу на острове Крит (Тит 1:5). В свою очередь Петр – первый архиепископ Алании, направленный в эту страну после многолетних трудов византийских миссионеров. И Павел, и Николай подчеркивают особую духовную близость к своим корреспондентам. Тимофей – «истинный сын в вере» (1 Тим 1:1), Петр – «священное чадо» (№№ 52, 135), болезненно переживающее расставание с духовным отцом: «мысль о том, что мы более не видим друг друга, естественно ранит твое сердце, по твоей горячей любви к нам» (№ 118). Но духовное единство, по словам патриарха Николая, не может быть разрушено дальностью расстояний: «не ропщи, что не видишь телесными очами отца своего... никакое средостение не разделит единства тех, кто соединен помыслами во Христе» (№ 134).

И Тимофей, и Петр воспитаны в благочестии: «ты из детства знаешь священные писания» (2 Тим 3:15); «с детства воспитан благодатию Божией и к добродетели приучен» (№ 52), «Божественной благодатью ты поставлен учить других, тем более что ты с детства воспитан таковыми наставлениями и не имеешь нужды слушать их от других» (№ 135). И Тимофей, и Петр призваны к служению через хиротонию, которую совершили их духовные наставники: «напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение» (2 Тим 1:6); «после того, как ты исповедал, что вступишь в ничто, при благоволении свыше, всякое плотское препятствие и всякую опас-

ность, – лишь тогда возложил я на тебя грешную руку и поставил тебя, содействием Всесвятого Духа, светильником в таинственном брачном чертоге, несущим слово истины» (№ 135).

Тимофей направлен на служение еще относительно молодым человеком, что может создавать вполне ожидаемые трудности: «Никто да не пренебрегает юностью твоею» (1 Тим 4:12). На возраст Петра в письмах патриарха нет прямых указаний, но, судя по тональности писем, он также молод и неопытен.

Особое внимание во Втором послании к Тимофею, написанном как завещание апостола Павла в преддверии близкой казни, уделяется страданиям ради Христа как обязанности служителя Евангелия: «не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым» (2 Тим 1:8); «я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников. По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь» (2 Тим. 1:11-12); «помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз. Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славой» (2 Тим 2:8-10); «будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое» (2 Тим. 4:5).

Вообще, тема страданий проходит красной нитью через книги Нового Завета – еще в истории призвания Савла Христос, согласно книге Деяний, говорит о нем: «И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян 9:16). Именно к Новому Завету апеллирует и Николай Мистик, стремясь ободрить архиепископа Петра словами из послания Павла к Филиппийцам (Флп 1:29): «Помысли, более того, постоянно держи в мыслях, что пострадать за Христа – благодать и честь свыше, возносись вместе

с божественным апостолом, сказавшим: «И сие дано нам от Бога – страдать ради Христа»» (№ 135).

В ответ на жалобы Петра Николай не раз напоминает, что и сам претерпевает страдания и скорби, но призывает не забывать, сколь ничтожны они по сравнению с наградой, которая ждет благовестников. Например, в послании № 52: «и ты сам следуешь путем опасностей и испытываешь жгучие скорби, но даже ты не будешь возражать против того, что наши страдания мучительнее переживаемых тобой»; «ничтожны страдания века сего пред славой, которая должна открыться тебе»; «какая из радостей жизни сравнится с таковыми скорбями? Какое наслаждение тех, кто считается счастливым, достойно того, что ты, о чадо наше, мнишь болью? Великую благодать обрели мы от возлюбившего нас Человеколюбца Христа и Бога нашего! Помыслим о величии ее и да не престанем воздавать благодарение Благодетелю по силе, если и не как надлежит; не будем роптать и ни во что не ставить величии Его благодати!»; «побеждает сладость вечности все, что лишь на день будто бы огорчает наши чувства, ибо что есть человеческая жизнь, если тысяча лет считается за день?» (ср 2 Пе 3:8 «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день», восходящее, в свою очередь, к Пс 89:5 «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел»).

«Поразмышляй о страданиях блаженных апостолов (умолчу о страданиях Владыки, хотя горечь каких страданий не рассеет воспоминание о страстях Владычных?..), воззрим на тех, кто вслед за Ним приняли Его страдания, и на тех, кто после них и до сего дня записан в служение Евангелию и, сравнивая наш жребий с тем, что выпал нашим соратникам, не будем унывать, ибо мы несем то же бремя, что и они», – призывает патриарх. Более того, «если страдания наши уступают тем, что претерпели блаженнейшие отцы

наши, будем тревожиться, ибо тем самым лишимся их радости, сияния и славы, когда Владыка наш воссядет, чтобы вознаградить за труды и провозгласить имена подвизавшихся», считает он и выражает уверенность, что архиепископ Петр в силу своей мудрости и любви к опасностям ради Христа будет до конца предан избранному им пути (№ 52).

«Подвизайся добрым подвигом веры» (1 Тим 6:12), призывает Тимофея апостол Павел и сам свидетельствует о себе: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил (2 Тим 4:7). Эти же слова вспоминает в Николай, обращаясь к Петру: «Добрый подвиг и служение Богу постарайся исполнить» (№ 133). При этом и сам подвиг, и награда за него приравнивается к апостольским: «от всех ублажение ради апостольского подвига, проповеди и равночестного им удела» (№ 135).

И Павел, и Николай настаивают на том, что служение, которое несут они сами, и их ученики, – не от людей, но от Самого Бога. «Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас» (2 Тим 1:14), пишет Павел. О том, что Петр «наставляем Всесвятым Духом» (№ 52), «призван Всесвятым Духом» (№ 133), «Божественной благодатью... поставлен учить других» (№ 135), не раз напоминает ему патриарх Николай.

Напротив, непослушание Богу ведет к порабощению сатане. Перечисляя требования к епископу, Павел говорит об опасности «впасть в... сеть диавольскую» (1 Тим 3:7); он также увещевает «с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» (2 Тим 2:25-26). В свою очередь, патриарх Николай характеризует обращение людей к Богу как об «избавлении их от тирании дьявола» (№ 133), а упорствующие в непослушании сравниваются и даже отождествляются с бесами: «воззри на бла-

годать, а не на злобу тех, кто благодати завидует, будь то демоны или люди, принимающие обличье демонов и подражающие их злобе» (№ 133).

И Павел, и Николай используют в своих поучениях яркие запоминающиеся образы, например сравнение христианских служителей с представителями светских профессий. В частности, подвиг благовестника сравнивается с трудом земледельца, которому должно первым «вкусить от плодов» (2 Тим 3:6-7) и с воинским служением: «завещание, чтобы ты воинствовал... как добрый воин (1 Тим 1:18); «переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим 2:3-4). В свою очередь Николай призывает Петра следовать примеру военачальника, которому завидует его окружение: «если некто повелением василевса назначается военачальником, а другие из зависти восстают на него и намереваются принести ему скорби, то забудет ли он из-за этого честь, которой удостоился, и, думая лишь о своих обидчиках, станет унывать и страдать? Или же, напротив, имея благородный образ мыслей, вменит в ничто обиды и, думая о чине, в который был возведен начальствующим, будет всячески усердствовать, чтобы явить себя выше злобы противников?» (№ 135)

Если слушающие благую весть не готовы сразу ее принять, архиепископу Петру рекомендуется на время уступить. Ибо и «врач нередко уступает суровой болезни, и рулевой не прилагает усилий более возможных при течении противоположном ходу судна, и военачальник нередко вынужден уступить из-за натиска противника... учитель, которому не под силу побороть непослушание учащихся, если не хочет пострадать от собственной глупости и неразумия, пусть пощадит дерзость непокорных учеников и уступит им на время, чтобы вновь заставить их внимать учению».

Трудно согласиться с С.А. Ивановым, который утверждает, что письма Нико-

лая Мистика впервые повествуют «об обращении язычников не как о провиденциальном божественном акте, но как о трудной и часто неблагодарной работе» [8, 187]. В интерпретации Николая миссия – это именно тяжкий труд, но совершаемый по прямому повелению Бога и ради награды свыше, и в этом смысле патриарх вполне укоренен в новозаветной традиции.

Термин «пастырские послания» был предложен в начале XVIII века для характеристики их главной задачи, которая состояла уже не в расширении миссионерской деятельности, как в первые годы христианской проповеди, а в попечении над общиной после того, как миссионеры или продолжили свой путь, или умерли [11, 244]. Кроме того, этот термин соответствует содержанию посланий еще и потому, что важной темой в Первом послании к Тимофею и послании к Титу являются структура церкви и обязанности руководителей христианской общины, именуемых пастырями. Также в пастырских посланиях значительное внимание уделено таким внутрицерковным проблемам, как распространение лжеучений, порядок совершения богослужений, верности преданию. Всего этого в посланиях Николая Мистика нет, хотя церковь в Алании, очевидно, уже сложилась: само назначение архиепископа Петра и крещение аланского правителя (письмо № 51) свидетельствуют о том, что христианская миссия в Алании добилась в описываемый период серьезных успехов. Но, в отличие от Павла, Николай в своих письмах не столько пишет об окормлении молодой христианской общины, сколько пытается утешить иерарха, постоянно пребывающего в унынии. С одной стороны, это можно объяснить тем, что общие нормы церковной жизни уже давно выработаны и аланские христиане должны просто следовать установленным правилам (впрочем, как выясняется, не все жизненные ситуации предусмо-

трены новозаветными предписаниями – см. ниже). С другой стороны, складывается впечатление, что архиепископ Петр не столько погружен в проблемы своей общины, сколько тяготеет пребыванием на чужбине.

Характерно, что в посланиях апостола Павла неоднократно упоминаются рядовые христиане, которых он именуется, по обычаям ранней Церкви, святыми, верными, братьями, избранными, хоть и допускает весьма критические замечания о местных нравах («критяне всегда лжецы», Тит 1:12). Особое внимание в пастырских посланиях уделяется тем членам общины, которые уклоняются в заблуждения. В письмах Николая Мистика говорится скорее о «язычниках», с трудом принимающих веру во Христа.

Патриарх неоднократно подчеркивает, что непрестанно помнит «о Боге и о спасении народа, путеводителем и спасителем» (№ 133) которого направлен архиепископ Петр. Мы можем сделать вывод, что это не риторическая фигура, если учесть, что Николай Мистик, как отмечалось выше, продолжал попечение о миссии в Аланию и в годы своего изгнания с кафедры в 907-912 гг., и был чрезвычайно внимателен к трудностям, которые переживал архиепископ Аланский Петр, даже во время гонений со стороны Зои Карвоносины. Впрочем, о новообращенных аланах в письмах Николая Мистика говорится достаточно редко, поэтому сказать что-либо о том, как складывались внутриобщинная жизнь, практически невозможно. Патриарх лишь говорит о «народе, недавно призванном к благочестию» (№ 133), полагая, что процесс обращения идет непросто: «если не все, но сколь возможно многие внимают слову твоего учения и обретают Божественное знание взамен безбожия, несравненна награда терпению твоему» (№ 52). Причиной тому патриарх считает укорененность в дохристианских обычаях: «столь внезапный переход от язычества к евангельской

строгости не дается легко» (№ 52), и призывает терпеливо относиться к тем, кто отказывается принять новую веру или слишком строгие этические нормы христианства.

Несколько противоречивый характер носят указания патриарха Николая Мистика относительно «беззаконного брака» (№ 133) или «брачных дел, противных установлениям Церкви» (№ 52), – по предположению Ю.А. Кулаковского, речь идет о многоженстве [5, 172]. Этот обычай, допускавшийся Ветхим Заветом, был отвергнут христианской Церковью, однако осталось неясным, как поступать в ситуациях, когда веру принимает человек, имеющий двух и более жен. В письме № 133 Николай, отвечая на вопрос Петра о «беззаконном браке», рекомендует, «если возможно, увещанием и наставлением расторгнуть супружество»; «если же сопротивление слишком сильное, то пусть зло хотя бы не распространяется, так чтобы не осквернялся отныне подобными браками народ». Этого, по мнению патриарха, можно достичь, «постоянно увещывая правителя народа и мужа, которому попускается сожителство, ввиду того что оно уже свершилось».

Насколько можно судить, письмо № 133 так и не было отправлено – вместо него патриарх написал письмо № 52, содержащее иной ответ на тот же вопрос Петра о «брачных делах, противных установлениям Церкви, и прочих обычаях, которые склоняют к языческому образу жизни тех, кто их придерживается». На этот раз патриарх несколько смягчает позицию и предупреждает, что требование расторгнуть подобное супружество может повредить делу миссии, если речь идет о представителях элиты: «С подчиненными, возможно, ты можешь быть более строг и властен и ни в коем случае не примиряться с бесчинствами; но к тем, в чьей власти воспротивиться спасению целого народа, необходимо подойти с рассуждением, не то слишком суровым

к ним отношением мы можем ненароком в конец разгневать их и тем самым перевернуть все с ног на голову» (№ 52).

Как видим, различие в исторических контекстах оказало заметное влияние на рекомендации в отношении властей. Пастырские послания написаны задолго до обретения христианством статуса государственной религии, и Павел лишь призывает возносить особые молитвы «за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим 2:2). Архиепископ Петр служит в Алании, когда правитель этой страны уже принял христианство; очевидно, есть возможность вести диалог с высшей властью, но до всеобщего признания новой религии еще далеко. Поэтому Николай Мистик пытается сформулировать некое тактическое правило для проповедников, дабы излишний ригоризм не оттолкнул от православия представителей правящего класса, а тем самым не было поставлено под угрозу обращение страны в целом. Для византийских миссионеров, в отличие от их предшественников апостольского века, миссия идет «сверху вниз», от правителей к народу.

Подводя предварительные итоги, можно сделать вывод о том, что литературный характер, риторическая и богословская насыщенность писем Николая Мистика не снижают их ценность как исторического источника, хотя собственно историческая составляющая в этих документах относительно невелика по объему. Обращаясь к опыту Церкви апостольского века, патриарх находит в книгах Священного Писания Нового Завета богословское обоснование необходимости пострадать за Христа, а также черпает утешение в скорбях, постигших его самого и его духовное чадо – архиепископа Аланского. Для самого Петра порученное послушание, видимо, оказалось не по силам, что и послужило причиной повторного направления в Аланию «мо-

наха» Евфимия (№ 135, к тому времени возведенного в епископский сан [12]. Намного меньшее внимание в посланиях уделяется аланской пастве, хотя патриарх упоминает трудности, которыми сопровождалось обращение к новой вере.

1. Spicilegium Romanum. Tomus X [pp. 1-2]. Romae: Typis Collegii urbani, 1844.
2. *Nicholas I, Patriarch of Constantinople*. Letters. Greek text and English translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink // *Corpus fontium historiae byzantinae*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973. Vol. VI.
3. *Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский*. Историческое учение об Отцах Церкви. СПб., 1859. Т. 3.
4. *Волков Н.* Николай Мистик, Патриарх Константинопольский (896-925 гг.) // Прибавления к творениям св. Отцов. М., 1861. Ч. 20. Кн. 2. С. 163-265.
5. *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
6. *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.
7. *Малахов С.Н.* Христианизация Алании в 912-922 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия: сборник научных статей. Волгоград, 2000. Вып. III. С. 28-36.
8. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из варвара христианина? М., 2003.
9. *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М, 2011.
10. *Мамиев М.Э.* Аланское православие: история и традиция. М., 2014.
11. *Браун Р.* Введение в Новый Завет. М., 2007. Т. II.
12. *Асратян Д.К.* Штрихи к портрету «монаха» Евфимия, просветителя Алании // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. Материалы международной научно-практической конференции (Вологда, 26 июня 2019 г.). Вологда, 2019. С. 32-33.

Asratyan, Dmitrii K. – RNO-A Institute for History and Archaeology (Vladikavkaz, Russia); hasratian@yandex.ru

ON COMPARATIVE ANALYSIS OF “ALANIAN DOSSIER” OF PATRIARCH NICHOLAS MYSTICUS AND APOSTLE PAUL’S EPISTLES.

Keywords: history of Christianity, North Caucasus, Alans, New Testament, Apostle Paul.

Letters of Nicholas Mysticus, Patriarch of Constantinople, to Peter, Archbishop of Alania, remain the chief documentary source for the history of Christianity in the North Caucasus in the 10th century. The study of the “Alan Dossier” of Patriarch Nicholas remains relevant due to the growing interest in the spiritual history of the peoples of the Caucasus, who lived at the crossroads of civilizations, religions and cultures and formed their own distinctive national and cultural traditions under such diverse influence. The main research method was the comparison of lexical and semantic means used by the Apostle Paul and Patriarch Nicholas in two different, but correlated historical and religious contexts. The purpose of the study is to identify genre and literary connections between the letters of the Patriarch and the books of the New Testament. Scientific novelty lies in the substantiation of the linguistic, semantic and theological parallels between the letters of Nicholas and the letters of the Apostle Paul, especially the pastoral ones (1-2 Tim and Titus). Although the compared texts are chronologically separated by almost a millennium, there is a typological similarity in the historical contexts in which they were written (a spiritual mentor – a bishop student – a newly formed Christian

community of “barbarians” in need of education). In the interpretation of Nicholas, mission is a hard work, but it is done at the direct command of the God and is rewarded from above, and in this sense, the Patriarch is completely rooted in the New Testament tradition. As the results of the study have shown, the rhetorical and theological richness of the letters of Nikolai the Mystic does not diminish their historical value, yet for correct interpretation it is necessary to take into account their literary character.

REFERENCES

1. Spicilegium Romanum. Tomus X [pp. 1-2]. Romae, Typis Collegii urbani, 1844. 472 p.
2. Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Letters. Greek text and English translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink. Corpus fontium historiae byzantinae. Washington, Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1973, vol. VI. 631 p.
3. Filaret (Gumilevsky), Archbishop of Chernigov and Nezhin. *Istoricheskoe uchenie ob Ottsakh Tserkvi* [Historical Teaching about Fathers of Church]. St. Petersburg, 1859, vol. 3. 450 p.
4. Volkov, N. *Nikolai Mistik, Patriarkh Konstantinopol'skii (896-925 gg.)* [Nicholas Mystic, Patriarch of Constantinople (896-925)]. *Pribavleniya k tvoreniyam sv. Otsov* [Additions to Works of Holy Fathers]. Moscow, 1861, part 20, book 2, pp. 163-265.
5. Kulakovskiy, Yu.A. *Izbrannyye trudy po istorii alanov i Sarmatii* [Selected works on the history of Alans and Sarmatia]. St. Petersburg, Aleteiya, 2000. 320 p.
6. Kuznetsov, V.A. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka* [Christianity in the North Caucasus before 15th century]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 159 p.
7. Malakhov, S.N. *Khristianizatsiya Alanii v 912-922 gg. (po pis'mam Nikolaya Mistika)* [Christianization of Alania in 912-922 (according to letters of Nicholas Mystic)]. *Mir pravoslaviya: sbornik nauchnykh statei* [World of Orthodoxy: Collection of Academic Papers]. Volgograd, 2000, iss. III, pp. 28-36.
8. Ivanov, S.A. *Vizantiiskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz varvara khristianina?* [Can a “Barbarian” be turned into a Christian? Cultural History of Byzantine Missionary Activities]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 376 p.
9. Beletsky, D.V., Vinogradov, A.Yu. *Nizhnii Arkhyz i Senty: drevneishie khramy Rossii. Problemy khristianskogo iskusstva Alanii i Kavkaza* [Nizhnii Arkhyz and Senty: Earliest churches of Russia. The problems of Christian art in Alania and the Caucasus]. Moscow, Indrik, 2011. 392 p.
10. Mamiev, M.E. *Alanskoe pravoslavie: istoriya i traditsiya* [Alanian Orthodoxy: history and tradition]. Moscow, SEM, 2014. 264 p.
11. Brown, R. *Vvedenie v Novyi Zavet* [An Introduction to the New Testament]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, 2007, vol. II. 571 p.
12. Asratyan, D.K. *Shtrikhi k portretu “monaha” Evfimiya, prosvetitelya Alanii* [Several touches to the portrait of the “monk” Euthymius, the Enlightener of Alania]. *Nauka segodnya: fakty, tendentsii, prognozy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vologda, 26 iyunya 2019 g.)* [Science today: facts, tendencies, forecasts. Papers of International Conference (Vologda, June 26, 2019)]. Vologda, Marker, 2019, pp. 32-33.